

В. Ф. МАРЦИНКОВСКИЙ. Записки вѣрующаго. Изъ исторіи религіознаго движенія въ Совѣтской Россіи. Прага 1929 г.

В. Ф. Марцинковскій — бывший Предсѣдатель Р. Хрис. Студ. Движенія въ Россіи — достаточно извѣстенъ въ различныхъ кругахъ, какъ искренно и глубоко вѣрующій человекъ, съ чрезвычайной энергіей и большой силой борющійся съ современнымъ невѣріемъ. Помимо большой и плодотворной личной работы, давшей очень значительные результаты, В. Ф. Марцинковскій много пишетъ за послѣднее время, издавая свои лекціи и бесѣды. Они не претендуютъ на оригинальность и новизну, но за то они всегда проникнуты той силой личной убѣжденности, которая является существенной основой всякой религіозной работы. Новая книга В. Ф. Марцинковскаго — и по объему и по содержанію своему — стоитъ гораздо выше всего, что доннѣ писалъ онъ, но къ сожалѣнію, въ книгѣ много неудачнаго, что ослабляетъ ея положительныя стороны. По существу, картина религіознаго движенія въ Сов. Россіи читатель найти не можетъ у Марцинковскаго, — вся книга посвящена авторомъ самому себѣ, является своеобразнымъ жизнеописаніемъ въ полубеллетристической формѣ. Въ центрѣ всѣхъ этюдовъ стоитъ самъ авторъ, рассказывающій о своихъ чтеніяхъ, о сидѣніи въ тюрьмѣ и высылкѣ изъ Россіи, о своихъ бесѣдахъ и наблюденіяхъ, часто при этомъ снабжаемыхъ «моралью» болѣе узкой и слабшей, чѣмъ сами эти наблюденія и бесѣды. Нигдѣ и ни въ чемъ не чувствуется желанія понять внутренній ликъ, внутреннія исканія русскаго народа, нѣтъ объективнаго подхода къ религіозному процессу въ народѣ, а есть лишь записки работника на нивѣ религіознаго просвѣщенія, беззавѣтно преданнаго *своей* идеѣ, занятаго *своей* работой и лишь въ свѣтѣ своей работы и оцѣнивающей то, что происходитъ вокругъ него. Эта узость внутренняго зрѣнія, не простое неумѣніе, но и нежеланіе выйти за предѣлы самого себя и объективно всмотрѣться въ религіозныя исканія русскаго народа, эта почти сознательная односторонность лишаютъ книгу нашего автора того значенія, которое она могла бы имѣть. Пусть не обижается на меня почтенный авторъ, если я скажу, что его книга есть типичное созданіе *сектанта*. Я хорошо знаю, что психологіей сектантства не покрывается самъ авторъ, что онъ шире, глубже и живѣе сектантства, но на книгѣ его отразилась духовная монотонность сектантства, его роковая неспособность понять другихъ, нѣкоторая экзальтированность и упрощенность въ пониманіи религіозной тайны исторіи. Я не потому такъ говорю, что не раздѣляю богословскихъ взглядовъ автора и иначе оцѣниваю религіозный процессъ въ русскомъ народѣ. Да, я иначе гляжу на этотъ процессъ, не раздѣляю богословія В. Ф. Марцинковскаго, но я готовъ былъ бы прислушаться къ голосу самой русской жизни, есид

бы онъ зазвучалъ въ книгѣ: его почти не слышно, но зато до утомительности монотонно звучитъ голосъ самого автора, честно и беззавѣтно преданнаго Христу Спасителю, но узко и односторонне понимающаго Его дѣло на землѣ. Поэтому книга В. Ф. Марцинковскаго есть книга о немъ самомъ, а не о религіозномъ движеніи въ русскомъ народѣ. Такъ ее надо судить, съ этой точки зрѣнія ее слѣдовало бы оцѣнивать.

Бѣда заключается однако въ томъ, что авторъ приписываетъ своимъ личнымъ переживаніямъ и оцѣнкамъ объективную силу, претендуя на общее значеніе того, что пережилъ онъ самъ. Онъ ушелъ изъ Православной Церкви, но хочетъ непременно представить свой уходъ не какъ личное дѣло, а какъ симптомъ общаго разложенія Православной Церкви. Но отъ того, что авторъ такъ часто говоритъ объ этомъ разложеніи, оно не становится безспорнымъ и для читателя. Тенденціозность автора не смягчена даже какой либо аргументаціей — ему кажется настолько несомнѣннымъ умираніе Православной Церкви, неспособность ея къ обновленію, а ростъ и вліятельность евангелизма настолько кажется ему значительными, что онъ не даетъ себѣ труда привести какіе либо факты въ защиту этихъ положеній. Подъ конецъ книги (стр. 263) у В. Ф. Марцинковскаго, всплываетъ неожиданно идея особаго «русскаго христіанства, которое однако, какъ оговаривается авторъ, должно быть христіанствомъ «не X, а XX вѣка». Повидимому, въ этой неопредѣленной фразой стоитъ отрицаніе догматики Православія, такъ какъ нѣсколько ниже авторъ говоря о «цѣнностяхъ» Православія, снисходительно готовъ сохранить «нѣкоторыя глубокія его догматическія толкованія». Точнѣе и яснѣе о своихъ догматическихъ взглядахъ авторъ нигдѣ не говоритъ.

Читатель гораздо больше выигралъ бы, если бы Марцинковскій сознательно говорилъ въ своей книгѣ о себѣ, а не у о русскомъ народѣ, который всюду призванъ у него только подтверждать его собственныя мысли. Законченная автобіографія такого яркаго и сильнаго дѣятеля современнаго евангелизма, какимъ является В. М. Марцинковскій, имѣла бы большое значеніе для пониманія процессовъ, происходящихъ сейчасъ въ Россіи, — она была бы «документомъ исторіи». То, же, что написалъ Марцинковскій, претендуетъ быть картиной религіозныхъ исканій русскаго народа, чего почти совсѣмъ въ книгѣ нѣтъ. Отъ того послѣ чтенія книги остается такая досада на автора, который взялся за задачу, которая его собственно не интересуетъ, и не сумѣлъ придать своимъ матеріаламъ ту форму, которая обезпечила бы имъ извѣстное значеніе въ дѣлѣ ознакомленія съ религіозными исканіями въ современной Россіи.

В. В. З ѣ н ь к о в с к і й.